

УДК 821.161.1

ИСТОРИЯ И СУДЬБА «ЧЕРНОЙ КНИГИ»: ПИСАТЕЛИ И ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ

© Илья Альтман, Ольга Карасик

HISTORY AND DESTINY OF “THE BLACK BOOK”: WRITERS AND DOCUMENTS OF THE EPOCH

Ilya Altman, Olga Karasik

“The Black Book” is a unique publication, presenting the archive of documents and eyewitness accounts of the Holocaust, the crimes against Jews in the USSR and Poland during the Second World War. The book was created in the 1940s by a large group of Soviet journalists and writers led by Ilya Erenburg and Vasily Grossman. The destiny of the book turned out to be complicated. A few decades had passed before Russian readers could see it. Today, it is known all over the world as one of the most ambitious investigations of fascist crimes. According to I. Erenburg, the book was supposed to include the stories of the survivors, eyewitness accounts, German orders, diaries and testimonies of the Nazis, memoirs and diaries of the victims. According to the plan, the book-document was not to become a collection of acts and protocols, but a collection of living stories, revealing the depth of the tragedy. Therefore, the book presents a unique publicist work where genuine documents and “live evidence” are organized according to the logic and laws of literature. Thus, we deal with “bridging the gaps” between History and Literature, to which a number of prominent Soviet authors made their contributions.

Keywords: document, evidence, publicist work, Soviet authors, Holocaust.

«Черная книга» является уникальным изданием, представляющим собой архив документов и свидетельств очевидцев о Холокосте – преступлениях против евреев на территории СССР и Польши в годы Второй мировой войны. Книга создавалась большой группой советских журналистов и литераторов под руководством Ильи Эренбурга и Василия Гроссмана в 1940-х годах. Судьба книги оказалась непростой, прошло несколько десятилетий, прежде чем она была опубликована. Сегодня она известна во всем мире как одно из самых масштабных расследований фашистских преступлений. По замыслу И. Эренбурга, в книгу должны были войти истории спасшихся, свидетельства очевидцев, немецкие приказы, дневники и показания нацистов, записки и дневники жертв. Согласно этому замыслу, книга-документ должна была стать не сборником актов и протоколов, а собранием «живых» рассказов, свидетельствующих о глубине трагедии. Фактически книга представляет собой публицистическое произведение, в котором подлинные документы и «живые свидетельства» представлены согласно логике и законам литературы. Это один из первых примеров стирания границ между литературой и историей, в который внесли огромный вклад многие из выдающихся советских писателей.

Ключевые слова: документ, свидетельство, публицистика, советские писатели, Холокост.

Документализм начал играть особо важную роль в литературе и искусстве после Второй мировой войны. Профессор О. О. Несмелова называет это «документальным взрывом», который «был „спровоцирован“ мощным выбросом документальных свидетельств после Второй мировой войны. Воспоминания узников концлагерей, свидетельства участников Сопротивления, фото и кинодокументы, сделанные зачастую самими палачами, обусловили появление своеобразного эстетического феномена» [Несмелова, с. 26]. Автор статьи говорит далее о «смерти романа» и внедрении документа в художественную литературу

в конце 1940-х – начале 1950-х годов, когда вскрывались преступления нацистов и перед всем миром представали страшные картины, которые превзошли в своей изощренной жестокости и иррациональности воображение самых пессимистически и скептически настроенных писателей прошлого.

В литературе и изобразительном искусстве, когда речь идет о событиях Холокоста и преступлениях нацизма, писателю, режиссеру, постановщику невозможно обойтись без документальной основы. Это подчеркивает решающую роль документа и заставляет вновь и вновь обращать-

ся к нему. Поэтому при создании даже художественных произведений о преступлениях нацистов против евреев и трагедии Холокоста как самого масштабного геноцида в истории человеческой цивилизации документы и «живые свидетельства» выходят на первый план. Самый знаменитый пример этого – дневник Анны Франк «Убежище». Во вступительной статье редакторов к русскому изданию говорится: «Сначала она писала свои письма только для себя самой – до весны 1944-го, когда она услышала по радио „Оранже“ выступление Болкестейна, министра образования в нидерландском правительстве в эмиграции. Министр сказал, что после войны все свидетельства о страданиях нидерландского народа во время немецкой оккупации должны быть собраны и опубликованы. Для примера, среди других свидетельств, он назвал дневники. Под впечатлением этой речи Анна решила после войны издать книгу, основой которой должен был послужить ее дневник» [Федорова, с. 5].

Талант девочки, ее дневник и его переработанная версия, фактически представляющая собой художественно-документальную книгу, во многом стирают границу между историей и литературой. Перед читателем предстает не только документ, но и литературное произведение, которое, в свою очередь, стало основой для создания целого ряда уже чисто художественных произведений – фильмов, романов, сериалов, мультфильмов, мюзиклов, оперы и т. д. [Несмелова, Карасик]. Это еще раз подчеркивает решающую роль документа в преподнесении исторических событий широкой публике.

Первым проектом по масштабному сбору документов и свидетельств Холокоста стала «Черная книга». Она же была и первым советско-американским проектом, которому так и не суждено было осуществиться. Это уникальное издание, представляющее собой архив документов и свидетельств очевидцев о преступлениях против евреев на территории СССР и Польши в годы Второй мировой войны. Судьба «Черной книги» оказалась весьма непростой, от замысла до публикации произошло много изменений, и только через несколько десятилетий после начала работы книга все же была опубликована и стала доступной широкому читателю. Необычность судьбы «Черной книги» еще и в том, что рукопись советского варианта дважды оказывалась вещественным доказательством, причем по противоположным поводам: она была представлена на Нюрнбергском процессе в качестве документального свидетельства о преступлениях нацистов, а спустя несколько лет в Москве уже на закрытом процессе по делу Еврейского антифаши-

стского комитета, где ее текст лег в основу обвинений в «буржуазном национализме» и работе комитета на иностранную разведку. Однако изъятые следователями материалы сохранились.

Как мы упоминали выше, по первоначальному замыслу «Черная книга» должна была стать совместным советско-американским документальным изданием о Второй мировой войне. Осенью 1941 года был зарегистрирован Американский комитет еврейских ученых, писателей и артистов, главой которого стал Альберт Эйнштейн. Этот комитет и был инициатором подготовки «Черной книги», а его партнером в СССР стал Еврейский антифашистский комитет, созданный наряду с четырьмя другими антифашистскими комитетами (всеславянским, советских женщин, советской молодежи, советских ученых). Его председателем стал известный театральный деятель, актер, народный артист СССР, художественный руководитель московского Государственного еврейского театра Соломон Михоэлс. Одной из своих задач ЕАК считал сбор материалов о преследованиях евреев, а также свидетельств о спасении евреев гражданами СССР других национальностей. 18 декабря 1942 года в СССР была опубликована совместная декларация союзных держав, в которой говорилось о преступлениях нацистов против евреев, тогда и возникла идея создания «Черной книги». В 1942 году глава американского комитета Альберт Эйнштейн, знаменитый еврейский писатель Шолом Аш и журналист Бенцион Гольдберг, зять Шолом-Алейхема, обратились к Еврейскому антифашистскому комитету СССР с предложением о совместном проекте «Еврейской черной книги». Таким образом, уже в первоначальной идее проекта речь шла о том, что книгу будут составлять именно литераторы, что превращает ее не просто в сборник документов, сугубо историческое издание, а в публицистическое произведение.

Однако от идеи совместного советско-американского проекта пришлось вскоре отказаться. Вопрос об издании аналогичной по тематике книги в СССР поднял Илья Эренбург. Он считал появление книги, где рассказывалось бы об уничтожении евреев на территории СССР, важным инструментом борьбы как с нацистской пропагандой, так и с антисемитизмом. Вероятно, писатель знал об идее международного проекта, но свою работу он начал независимо от него, привлекая ведущих советских литераторов.

При ЕАК была создана специальная литературная комиссия, которую И. Эренбург сам возглавил. Его подход к изданию, которое факти-

чески должно было быть подготовлено именно литераторами, обусловил и определенную жанровую и стилевую направленность книги. Вновь речь шла не просто о сборнике исторических материалов, а об их обработке, организации и систематизации по законам публицистики. Идея И. Эренбурга, который не раз весьма эмоционально высказывался по этому поводу, была в том, чтобы не только представить документы, а показать весь масштаб трагедии, заставить читателя ужаснуться, сделав эти документы «живыми свидетельствами». Для этого нужны были литературные приемы, которые не изменили бы сути и вида документа, но преподнесли бы его таким образом, чтобы вызвать наибольший эмоциональный отклик. Не менее важна была для И. Эренбурга и героическая составляющая – случаи сопротивления и спасения евреев неевреями, что также было призвано разбудить в читателе сильные эмоции – гордость за величие человека. «В книгу войдут рассказы спасшихся евреев, свидетелей зверств, немецкие приказы, дневники и показания палачей, записки и дневники укрывшихся. Не акты, не протоколы, а живые рассказы должны показать глубину трагедии. Чрезвычайно важно показать солидарность советского населения <...> Необходимо показать, что евреи умирали мужественно, остановиться на всех имевших место случаях сопротивления» (цит. по: [Альтман, Арад, Павлова, с. 18]).

Книга должна была выйти для советских читателей, но впоследствии она могла бы быть переведена и издана в США и Великобритании, хотя упоминаний о сотрудничестве с зарубежными организациями не планировалось.

Таким образом, этот вариант «Черной книги» был задуман как коллективный сборник. К обработке материалов для него должны были быть привлечены известные писатели и журналисты, в том числе Василий Гроссман. «Инициаторы создания „Черной книги“ хотели, чтобы о трагедии советских евреев узнал весь мир – ее планировалось издать на 11 языках. Эренбург привлек к работе над книгой известнейших советских писателей разных национальностей. Всеволод Иванов и Василий Гроссман, Лидия Сейфуллина и Маргарита Алигер, Виктор Шкловский и Вениамин Каверин, десятки их коллег и помощников по крупицам собирали и обрабатывали письма, дневники, свидетельства. Илья Эренбург считал принципиально важным издать книгу, посвященную убийству еврейского населения именно на территории СССР» [Альтман, 2005]. И. Эренбург писал об этом в высшие партийные органы, однако ответа не последовало, и ситуация с соз-

данием книги оставалась неопределенной. В своем выступлении на заседании литературной комиссии в 1944 году писатель заявил: «В течение долгого времени не было выяснено: будет ли санкционировано издание этой книги. Мне не ясна и теперь формулировка. Меня просили написать записку для представления о содержании и цели этой книги. Основываясь на нашем первом собрании, я это изложил и представил. Ответа прямого не последовало, но мне было сказано через Еврейский <антифашистский> комитет – сделайте книгу и, если она будет хорошей, она будет напечатана <...> Мне кажется, поскольку представлена возможность составить рукопись, то вокруг напечатания скорее можно будет дать бой» (цит. по: [Альтман, Арад, Павлова. с. 18]). Очевидно, что под «хорошей» понималась книга нужная и идеологически правильная, однако гарантий, что она будет издана, не было. И. Эренбург это возмущало: «Так как авторами книги являемся не мы, а немцы, а цель книги ясна, я не понимаю, что значит „если будет хорошей“: это не тот роман, содержание которого неизвестно» [Там же]. Называя нацистов «авторами», И. Эренбург подчеркивает значимость документов и свидетельств как единственно возможного способа рассказать о трагедии в тот период, когда эта история творилась буквально на глазах.

В то же время И. Эренбург подошел к составлению «Черной книги» как публицист. В первую очередь он использовал те материалы, которые поступали непосредственно ему как известному, уважаемому, пользующемуся доверием человеку и авторитетному литератору. Это были письма, а также дневники, воспоминания и другие личные материалы, так называемые «живые свидетельства». Сам он выступил не только в роли редактора. Он сам подготовил примерно треть всех очерков, вошедших книгу. Следует особо отметить, что в устах профессиональных историков фигурирует именно слово «очерк» как жанровое определение публицистического произведения, а не документ в чистом и необработанном виде. Поэтому мы считаем правомерным говорить о «Черной книге» не как о научно-историческом издании, а как о публицистике.

И. Эренбургу было важно, чтобы в подготовке книги участвовали писатели и журналисты разных национальностей. Известно, что первым из писателей откликнулся Андрей Платонов. Ему были переданы материалы по Белоруссии и РСФСР, однако очерки не были написаны. Также в состав литературной комиссии входил Константин Федин, который должен был написать о восстании в лагере Собибор, и этот план также не был осуществлен. В качестве участников под-

готовки издания рассматривались кандидатуры поэтов и военных журналистов. Так, Константину Симонову заказали очерк о лагере Майданек. Планировалось привлечь и Александра Твардовского, а также Мариэтту Шагинян и украинского поэта, друга И. Эренбурга, Павла Тычина. Однако в силу различных обстоятельств из известных на тот момент писателей и журналистов лишь Всеволод Иванов, Лидия Сейфуллина и специальный корреспондент «Красной звезды», а впоследствии редактор «Роман-газеты», Василий Ильенков подготовили по очерку. Также написали очерки армянский писатель Ваграм Апресян, детская писательница Валентина Герасимова (первая жена Александра Фадеева и двоюродная сестра кинорежиссера Сергея Герасимова) и поэтесса Мария Шкапская.

В результате работы среди авторов «Черной книги» оказалось немало известных литераторов: Василий Гроссман (подготовил восемь материалов), Маргарита Алигер, Павел Антокольский, Вениамин Каверин, Виктор Шкловский, Лев Озеров, Лев Квитко, Рувим Фраерман и другие. Они занимались сбором и обработкой писем, дневников и свидетельств. Не все подготовленные тексты вошли в окончательный вариант книги. Например, там не оказалось очерка Лазаря Лагина, автора сказки «Старик Хоттабыч». Наряду с именитыми писателями и журналистами к созданию книги привлекались бывшие узники гетто, среди которых были, например, Авраам Суцкевер – поэт, писавший на идише, и подпольщик из Каунаса – прозаик Меер Елин.

И. Эренбург видел своей первоочередной задачей сохранение и представление широкой публике документов о преступлениях нацистов и героизме спасения и сопротивления. Обработка для него означала отсеивание ненужного, например повторов и того, что могло бы помешать настоящему «звучанию» документа, которому отводилась первоочередная роль и не нужны были дополнения и пояснения. То есть сам писатель как редактор и главный вдохновитель издания, вероятно, не стал бы называть его книгой очерков. Мы можем предположить, что И. Эренбург, не будучи историком в строгом научном понимании, неосознанно применял приемы организации публицистического текста к историческим документам.

В. Гроссман придерживался той точки зрения, что говорить нужно не только от имени тех, кто выжил, но и от имени тех, кто лежит в земле, то есть он склонялся к тому, что сейчас мы называем non-fiction, сознательно предполагая использование некоторых художественных методов в обработке документов.

Когда И. Эренбург вышел из литературной комиссии, ее возглавил В. Гроссман, и то издание «Черной книги», которое вышло несколько лет назад, представляет именно его подход.

После получения внутренней рецензии от секретаря парткома Союза советских писателей особое внимание при подготовке книги было уделено сокращению текстов о коллаборационистах и их роли в уничтожении евреев. Уже подготовленный текст издания прошел новую редактуру, его дополнили новыми материалами. Было принято решение и о композиции: материал располагался по республикам. Несмотря на многие сложности и перипетии, книга готовилась к изданию. Публикация собранных материалов рассматривалась уже не только как свидетельство преступлений нацистов против евреев, но и как увековечивание памяти погибших и память о подвиге тех, кто спасал евреев. «Создатели советского варианта „Черной книги“ прекрасно осознавали ее мемориальный характер. Председатель ЕАК Соломон Михоэлс назвал „Черную книгу“ памятником погибшим и чудом уцелевшим евреям, а также их спасителям. Он же поставил вопрос об издании на родном языке – идиш» [Альтман, 2005].

В. Гроссман видел своей задачей раскрыть трагичность человеческих судеб, представив документы и свидетельства так, чтобы человеческая трагедия раскрылась устами женщин, детей, стариков. Он рассчитывал на то, что книга дойдет до широкого читателя и будет больше чем документом.

На русском языке «Черная книга» при жизни И. Эренбурга и В. Гроссмана опубликована не была. Только в 1980 году русский текст был издан в Иерусалиме Феликсом Дектором. В него не вошел недоступный тогда раздел «Литва». Затем книга была напечатана в США на английском языке, были также издания на идише и иврите. Впервые полностью, без цензурных купюр, «Черная книга» вышла на русском языке в Литве в вильнюсском издательстве «Йад» в 1993 году. В 1996 году она вышла в Париже на французском языке, это издание было основано на единственной верстке 1947 года.

В 1993 году в Москве в издательстве «Текст» вышел сборник «Неизвестная „Черная книга“» под редакцией одного из авторов этой статьи, подготовленный Государственным архивом РФ и Музеем Холокоста в Иерусалиме «Яд ва-Шем». В это издание вошли документы, по цензурным соображениям отвергнутые редакторами ранее. Наконец, в 2014 году издательство Corpus выпустило «Черную книгу» в наиболее полном варианте, поставив имена редакторов И. Эренбурга

и В. Гроссмана рядом. Именно это издание сегодня доступно широкой публике.

Итак, «Черная книга» в сегодняшней ее редакции состоит из материалов трех категорий. Во-первых, это письма, дневники, записанные рассказы и показания очевидцев; среди писем есть посмертные, написанные убитыми. Во-вторых, это очерки советских писателей, созданные на основе документов, среди которых беседы со свидетелями, официальные акты, протоколы вскрытия братских могил и осмотров территорий гетто и лагерей. В-третьих, это документы по Государственной чрезвычайной комиссии, расследовавшей преступления нацистов; показания организаторов и исполнителей убийств и свидетелей. Все это организовано в соответствии с территорией происшедших событий – по советским республикам, а также хронологически.

Очерки, созданные литераторами, представляют собой публицистические тексты, в которых историческая правда приобретает эмоциональную окраску. Так, например, рассказывают В. Каверин и П. Антокольский об одном из важнейших эпизодов героизма и сопротивления – восстании в лагере смерти Собибор:

Собиборский лагерь смерти, наряду с лагерями на Майданеке, в Трешлине, Белжеце, Освенциме, был создан немцами с целью организованного массового уничтожения еврейского населения Европы. Он был расположен на огромной площади в лесу, рядом с полустанком Собибор. Железная дорога заходила в тупик, – и это должно было способствовать сохранению тайны. Как всегда, немцы тщательно оберегали ее от окрестного населения: всякое преступление боится свидетелей.

Лагерь окружали четыре ряда колючей проволоки высотой в три метра. Между третьим и четвертым рядами пространство было заминировано. Между вторым и третьим расхаживали патрули. Днем и ночью на вышках, откуда просматривалась вся система заграждений, дежурили часовые.

<...>

И вот в этом страшном месте, реальность которого, как она ни документальна, все же кажется диким вымыслом большого мозга, на этом маленьком пространстве испоганенной немцами земли 14 октября 1943 года произошло восстание, кончившееся победой заключенных. Во время этого восстания было убито 12 немцев, виднейших из несущих охранную службу офицеров – руководителей лагеря – и четыре рядовых охранника. После восстания Собиборский лагерь был уничтожен.

Как это произошло? Чья человеческая сила оказалась достаточно стойкой и организованной, чтобы противостоять немецкому железу, направленному на безоружных? У кого в этой страшной атмосфере смерти и унижения нашлись воля, ум, дальновидность? 22 сентября 1943 года в Собибор пригнали из

Минска шестьсот военнопленных евреев, офицеров и бойцов Красной Армии. Из них 80 человек были оставлены для работы во втором „подлагере“. Остальных немцы задушили и сожгли. В числе оставшихся был офицер Александр Аронович Печерский [Черная книга].

В жанровом отношении этот текст представляет собой документальный очерк, исторически достоверный, с датами и фактами. Описания устройства лагеря смерти и происшедших в нем событий сделаны со слов очевидцев. В то же время этот текст очень эмоционален и изобилует художественными приемами: эпитетами, сравнениями, риторическими вопросами. Это не просто изложение фактов, а обращение к читателю, у которого история должна вызвать сильную эмоциональную реакцию. Таким образом, В. Каверин и П. Антокольский применили приемы художественной литературы к документам, сохранив их в неизменном виде.

Очевидно, что издание «Черной книги», осуществившееся спустя десятилетия после возникновения замысла, в первую очередь вызывает отклики как сборник подлинных документов и свидетельств о Холокосте. Это книга, которую нельзя прочесть от начала до конца (несмотря на утверждение ее редактора В. Гроссмана), так как историческая правда настолько ужасающа, что заставляет читателя отрываться от чтения, чтобы осознать, что происшедшее было реальностью. Художественные приемы в этом случае призваны подчеркнуть силу документа. Галина Юзефович пишет: «„Черная книга“ – не цельное повествование, но собрание разнородных и разножанровых текстов, от дневников до мемуаров, от писем до газетных заметок и интервью, с небольшими и безусловно корректными авторскими вставками. Единственное, что объединяет материалы, вошедшие в „Черную книгу“, – это ощущение страшной, разрывающей душу беззащитности отдельного человека перед производом тоталитарной машины. Именно это свойство делает книгу Гроссмана и Эренбурга документом истории не столько еврейской, сколько общечеловеческой» [Юзефович].

Таким образом, говоря о «Черной книге», мы можем называть ее не только уникальным сборником документов о Холокосте, но и примером синтетического жанра, существующего на грани истории и литературы.

Список литературы

Альтман И. А., Арад И., Павлова Т. К истории «Черной книги» // Неизвестная «Черная книга». М.: Иерусалим: Текст, 1993. 462 с.

Альтман И. А. Неизвестная «Черная книга». М.: Corpus, 2015. 416 с.

Альтман И. А. Мемориализация Холокоста в России: история, современность, перспективы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/alt28-pr.html> (дата обращения: 12.07.2018).

Несмелова О. О. Война, фашизм, тоталитаризм – средствами nonfiction // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 4. С. 26–29.

Несмелова О. О., Карасик О. Б. Образ Анны Франк в массовой культуре: фикционализация личности // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 3. С. 157–162.

Федорова Н. Н., Либкин О. М. История этой книги // Франк А. Убежище. Дневник в письмах. М.: Текст: Книжники, 2013. 347 с.

Черная книга / под редакцией Василия Гроссмана, Ильи Эренбурга. URL: <https://ru.bookmate.com/books/V7atrxDL> (дата обращения: 12.07.2018).

Юзефович Г. О Книге. URL: <https://www.corpus.ru/products/chnayaya-kniga.html> (дата обращения: 12.07.2018).

References

Altman, I. A. (2005). *Memorializatsiia Kholokosta v Rossii: istoriia, sovremennost', perspektivy* [Preservation of the Holocaust Memories in Russia: History, Today and Perspectives]. *Neprikosnovennyi zapas*. No. 2–3. URL:

<http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/alt28-pr.html> (accessed:12.07.2018). (In Russian)

Altman, I. A. (2015). *Neizvestnaia "Chernaia kniga"* [The Unknown "Black Book"]. 416 p. Moscow, Corpus. (In Russian)

Altman, I. A., Arad, I., Pavlova, T. (1993). *K istorii "Chernoï knigi"* [The History of the Black Book]. *Neizvestnaia "Chernaia kniga"*. 462 p. Moscow, Ierusalim, Tekst. (In Russian)

Chernaia kniga. Pod redaktsiei Vasiliia Grossmana, Il'i Erenburga [The Black Book. Edited by Iliya Erenburg and Vasily Grossman]. URL: <https://ru.bookmate.com/books/V7atrxDL> (accessed: 12.07.2018). (In Russian)

Fedorova, N. N., Libkin, O. M. (2013). *Istoriia etoi knigi. Frank A. Ubezhiische* [The History of This Book. A. Frank. Asylum]. *Dnevnik v pis'makh*. 347 p. Moscow. Tekst, Knizhniki. (In Russian)

Iuzefovich, G. *O Knige* [About the Book]. URL: <https://www.corpus.ru/products/chnayaya-kniga.html> (accessed: 12.07.2018). (In Russian)

Nesmelova, O. O. (2012). *Voina, fashizm, totalitarizm – sredstvami nonfiction* [War, Fascism and Totalitarianism by Means of Non-Fiction]. *Filologiya i kul'tura*. Philology and Culture. No. 4, pp. 26–29. (In Russian)

Nesmelova, O. O., Karasik, O. B. (2014). *Obraz Anny Frank v massovoi kul'ture: fiktsionalizatsiia lichnosti* [The Image of Anne Frank in Mass Culture: The Fictionalization of the Personality]. *Filologiya i kul'tura*. Philology and Culture. No. 3, pp. 157–162. (In Russian)

The article was submitted on 06.08.2018
Поступила в редакцию 06.08.2018

Альтман Илья Александрович,
кандидат исторических наук,
профессор,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Россия, ГСП-3, Москва,
Миусская площадь, 6.
rsuh@rsuh.ru
сопредседатель,
Научно-просветительный Центр «Холокост»,
115035, Россия, Москва,
Садовническая, 52/45.
center@holofond.ru

Карасик Ольга Борисовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ivamariak@mail.ru

Altman Ilya Aleksandrovich,
Ph.D. in History,
Professor,
Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Sq.,
Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation.
rsuh@rsuh.ru
Co-Chair,
Research and Educational Holocaust Center,
52/45 Sadovnicheskaya Str.,
Moscow, 115035, Russian Federation.
center@holofond.ru

Karasik Olga Borisovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ivamariak@mail.ru